

ПАРЕМИИ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ШВЕДСКИХ ЕДИНИЦ)

Е.И. Зиновьева, А.С. Алёшин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им.
проф. М.А. Бонч-Бруевича*

Данная работа посвящена рассмотрению русских паремий в лингводидактическом аспекте с целью их дальнейшего представления в шведскоязычной аудитории, а также в аспекте учебной лексикографии для определения принципов подачи русских единиц в словаре, ориентированном на адресата-носителя шведского языка. Целями исследования явилось сопоставление русских паремий с их шведскими аналогами для выявления возможных типов заданий, направленных на работу с русскими единицами в шведскоговорящей аудитории, а также определение структуры и содержания словарной статьи учебного словаря русских паремий для шведских учащихся.

Ключевые слова: паремии, лингводидактика, методика, русский и шведский языки.

Пословицы и поговорки о любви в той или иной форме существуют практически в любом национальном языке. Но при сходстве основных установок культуры, данные единицы могут выражать национально обусловленные частные идеи, отличаться своей образностью, используемыми в качестве компонентов словами-реалиями, называющими национально специфичные предметы быта и явления жизненного уклада. Паремии изучаемого иностранного языка трудны для восприятия учащихся. Объектом данного исследования являются русские пословицы, выражающие идею об иррациональности чувства любви, на фоне их шведских аналогов. Концепт ЛЮБОВЬ является одним из универсальных эмоциональных концептов. Данная подгруппа пословиц была выбрана как наиболее многочисленная в паремиологическом фонде двух языков. Лингвокультурологическому анализу шведских, английских, немецких и русских паремий, вербализующих концепт ЛЮБОВЬ, была посвящена глава А.С. Алёшина в коллективной монографии [1].

Новизна данной работы заключается в рассмотрении русских паремий в лингводидактическом аспекте с целью их дальнейшего представления в шведскоязычной аудитории, а также в аспекте учебной лексикографии для определения принципов подачи русских единиц в словаре, ориентированном на адресата-носителя шведского языка. Целями исследования явилось сопоставление русских паремий с их шведскими аналогами для выявления возможных типов заданий, направленных на работу с русскими единицами в шведскоговорящей аудитории; а также определение структуры и содержания словарной статьи учебного словаря русских паремий для шведских учащихся.

В российской паремиологии, как отмечает Е.В. Иванова, разграничение пословицы с близкими ей образованиями проводится по двум линиям – структурной и семантической. Основную проблему представляет разграничение пословицы и поговорки [8].

В Большом энциклопедическом словаре находим следующие определения терминов: «Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение: *Насильно мил не будешь; В тесноте, да не в обиде* и т.п.» [3: 379]. Пословица – «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован вековой опыт народа... Пословица выражает суждение. Пословица обладает буквальным и переносным смыслом (*Близок локоть, да не укусишь*) или только переносным (*Горбатого могила исправит*) и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексического состава» [3: 389]. В качестве рабочих определений русских терминов *пословица* и *поговорка* с учетом такого дополнительного критерия, как *образность*, в данной работе принимаются следующие: *Поговорка – краткое, не имеющее в своей основе образа, изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план. Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное, образное изречение назидательного характера. Пословица выражает суждение и обладает буквальным и переносным смыслом или только переносным.*

Для сравнительного исследования отобранного материала необходимо определить статус паремий не только в отечественном, но и в шведском языкознании.

В книге Фредрика Стрёма «Шведские пословицы» находим образное определение пословицы. Автор считает, что пословицы отражают жизнь и мысли людей, работу и труд, опыт и стремления людей сквозь призму тысячелетий, они представляют собой своеобразное эхо народной души [16]. Но на самом деле, как отмечает Э. Шёльдберг, дать точное и простое определение пословицы не так легко. Это в значительной степени определяется наличием большого количества единиц, которые можно отнести к пословицам. На это существуют различные точки зрения. Но общепринятое понимание пословиц заключается в том, что это короткие общеизвестные фразы, которые в основном употребляются устно. Они неизменны по своей форме, и их легко запомнить. Они часто несут в себе народную мудрость и общие правила жизни, передаваемые из поколения в поколение [14]. Таким образом, пословицам шведского языка, как и пословицам других языков, свойственна кумулятивная функция.

Э. Шёльдберг пишет о том, что пословицы необходимо отличать от двух других групп устойчивых выражений: «поговорок» и идиоматических выражений. «Поговорки» начинаются с цитаты и заканчиваются указанием на то, кто это сказал. Например: *Он все-таки пахнет мужиком, сказала баба, целуя петуха.* Еще одним отличием «поговорок» от пословиц является то, что

они юмористического содержания [15]. Следует учитывать, что шведская поговорка (*ordstäv*) отличается от русской, по своему статусу она ближе к английскому веллеризму.

Б. Свенсен, характеризуя пословицы, отмечает, что в грамматическом отношении пословица представляет собой почти полностью застывшее единство. В первую очередь это обусловлено тем, что пословицы в большинстве своем представляют собой целые предложения, обобщающие утверждения, чья функция состоит в том, чтобы выражать суждения общего свойства. Как следствие, время глагола в них не может меняться даже в зависимости от ситуации, глагол в пословицах обычно употребляется в настоящем времени: *lika barn leka bäst*. В лексическом отношении пословицы так же неизменяемы, как и идиомы, только в отдельных случаях наблюдается вариативность: *the early bird catches (gets) the worm*. В семантическом отношении пословицы, как и идиомы, имеют переносное значение [17].

Обобщая приведенные выше суждения применительно к исследуемому в данной работе материалу, можно отметить, что все единицы шведского языка, рассматриваемые в нашей работе, являются самостоятельными выражениями, не требующими распространения в виде местоимений и пр., они представляют собой законченные суждения, сохраняют буквальный смысл, имеют переносное значение, застывшую грамматическую форму, могут содержать метафоры в своем составе, но при этом не метафоризируются полностью, т.е. относятся не к идиомам, а именно к пословицам. Что касается сравнения с пониманием пословицы и поговорки в русистике, то можно сделать вывод о том, что в содержании термина *пословица* (*ordspråk*) принципиальной разницы не обнаруживается, тогда как *поговорка* (*ordstäv*) понимается по-разному. В русском языкознании поговорка не рассматривается как цитата с указанием авторства и не обязательно отличается юмористическим содержанием, она близка к пониманию пословицы в шведском языкознании. В связи с этим поговорки шведского языка не будут являться объектом исследования в данной работе.

Рассматриваемые в статье паремии отмечают неподконтрольность любви человеку, невозможность внешнего воздействия на возникновение чувства. Анализу были подвергнуты 128 паремий русского и 70 паремий шведского языков. Источниками материала послужили словари русских [2, 5, 6] и шведских пословиц и поговорок [13].

В шведских паремиях *Kärleken tål inget tvång* (Любовь не терпит принуждения) и *Kärleken går dit den vill och inte dit den skall* (Любовь идет туда, куда она хочет, а не туда, куда она должна идти) наблюдается персонификация любви. Чувство выступает как одушевленное существо, которое может что-то принимать и что-то не принимать, а также способно к самостоятельному передвижению.

В русских паремиях акцент делается на силовом воздействии и его бесполезности: *Насильно мил не будешь; Силой милому не быть*. Русская паремия выражает категоричное отношение к браку с нелюбимым: *Лучше камень на шею нести, чем за немилотого идти*. В русском языковом сознании

противопоставляются ЖАЛОСТЬ и ЛЮБОВЬ – жалость нельзя принимать за любовь, интересно образное сравнение «жалостливой любви» с милостыней: *Из жалости любви не выкروшишь; Любовь – не милостыня, ее каждому не подашь.*

В пословичных реализациях русского языка важное место занимает образ СЕРДЦА, которое принимает решение и не слушает приказов. Согласно наивным представлениям носителей русского языка, сердце, которое вообще «специализируется» на эмоциях, является органом любви к человеку противоположного пола [4]. *Сердцу не прикажешь; Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь; Сердцем не приманишь, так за уши не притянешь; Не клетка сердце – не переставишь.*

В паремии шведского языка эта установка представлена более диффузно: *Att älska är att leva med hjärtat* (Любить – это жить сердцем).

Прямое противопоставление, оппозицию ЛЮБОВЬ – РАЗУМ находим в следующих шведских выражениях: *Kärlek och förstånd går sällan hand i hand* (Любовь и разум редко идут рука об руку). Образы, использованные в шведской паремии *I kärlek är vilja herre och förnuftet tjänare* (В любви желание – господин, а разум – слуга) (господин и слуга), подчеркивают главенствующее положение чувства, т.е. иррациональность любви.

Любовь как чувство, которое неподвластно контролю со стороны разума, предстает в следующей русской паремии: *Любовь и умника в дураки ставит.* Противопоставляются *умник* (существительное с неоднозначной оценкой) и *дурак*. В шведской паремии *Kärleken gör den vise till dåre* (Любовь делает мудреца безумцем) противопоставляются мудрец и человек, лишенный разума, но несколько в ином плане, чем русский «дурак» – безумец.

Паремия *Любовь слепа, доведет до беды и пона* подчеркивает, что русское языковое сознание фиксирует тот факт, что не разумом человек выбирает, кого любить. Ср.: *Не славится красавица, а кому что нравится; Деревеница Ермил, да посадским бабам мил.* В состав последней паремии входят национально специфичные слова-реалии *баба, посад*, имя собственное *Ермил*, коннотативно окрашенное *деревеница*.

Любовь по принуждению не способна к долгому существованию. В шведском языке: *Tvungen kärlek och färgad skönhet varar inte längre* (Любовь по принуждению и искусственная красота не живут долго); *Våt snö och tvungen kärlek har ingen lång ålder* (Мокрый снег и любовь по принуждению долго не живут). Недолговечность любви по принуждению подчеркивается сопоставлением с образами мокрого снега, который, как известно, быстро тает, и макияжа, который тоже быстро стирается.

В русском языковом сознании находим несколько иное преломление данной идеи – никакие ухищрения по изменению внешности не способствуют возникновению чувства: *Белила не сделают мила.*

Утаивание чего-либо также предполагает контроль со стороны разума, что невозможно по отношению к такому чувству, как любовь – в шведском: *Kärlek och hosta kan inte gärna döljas* (Любовь и кашель никак не скрыть). В русском: *Любовь и кашель нельзя скрыть.* В обоих языках любовь уподобляется такой физиологической реакции человека, которая неподвластна

контролю со стороны воли человека. В паремии шведского языка *Kärlek och halm i träskorna är svåra att dölja* (Любовь и солому в деревянных башмаках трудно скрыть) интересно обращение к реалиям традиционного национального быта. Шведы считают, что трудно утаить чувства, эмоции и внешнее проявление подавленного душевного состояния – красный нос: *Kärlek, sorg och röd näsa kan man inte dölja* (Любовь, печаль и красный нос никак не скрыть).

В русской паремии используется другой образ (из хозяйственно-бытовой сферы жизни народа): *Шила в мешке, да любви в сердце не утаишь*.

С другой стороны, в исследуемом фрагменте языковой картины мира шведов и русских выражается установка, что не нужно рассказывать о своей любви: шведск. *Har du något kärt, så tig med det* (Если у тебя есть что-то любимое, молчи об этом). Русск. *О любви влюбленные молчат, о ней другие говорят*.

Любовь иррациональна, поэтому и язык любви не вербален: *Kyssten är kärlekens språk* (Поцелуй – это язык любви). И этим внешним проявлением любви невозможно насытиться: *Att kyssas är som att äta soppa med gaffel, man får aldrig nog* (Целоваться – это все равно что есть суп вилкой, никогда не насытишься).

В русских паремиях иррациональность любви проявляется также в фиксации того, что это чувство приходит неожиданно: *Влюбился, как мышь в короб ввалился; Влюбился, как сажа в рожу вlepился*.

Одним из средств внешнего принуждения могут служить ДЕНЬГИ. Русские паремии категоричны: *Любовь за деньги не купишь; Любовь золотом не купишь; Полюбила молодца не из-за золотца*. В русской пословичной картине мира таким образом, с одной стороны, ЛЮБОВЬ и ДЕНЬГИ – понятия несовместимые. Но, с другой стороны, отмечается немаловажная роль материальной стороны: *С деньгами мил, без денег постыл; Муж любит жену богатую, а тещу – тороватую; Муж любит жену здоровую, а жених невесту – богатую*. Не случайны также иронические трансформации этого выражения в современных антипословицах: *Меняю рай в шалаше на ад во дворце; С милым рай и в шалаше, если милый атташе*. Противопоставляются шалаш (как убогое жилище) и дворец (как роскошное место проживания).

В шведском языке, с одной стороны, присутствует установка о том, что у любви нет другой цены, кроме нее самой: *Kärlek är kärlekens pris* (Любовь – цена любви). С другой стороны, традиционные паремии, соотносящие любовь и материальный достаток в шведском языке более категоричны и реалистичны: *Utan vin och bröd lider kärleken nöd* (Без вина и хлеба любовь терпит нужду); *När nöden kommer in genom dörren, hoppar kärleken ut genom fönstret* (Когда нужда входит в дверь, любовь выпрыгивает в окно). В единицах шведского языка вербализуется образ нужды. И нужда и любовь персонифицируются.

Еще одним из факторов внешнего принуждения может являться СТРАХ. Паремии, выражающие противопоставление ЛЮБОВЬ – СТРАХ, присутствуют в русском языке: *Бояться себя заставишь, а любить не принудишь; Всяк страх изгоняет любовь; Где любовь, там угождение, а где страх, там принуждение; Покоряй сердце любовью, а не страхом; Любовь сильнее страха*. Таким

образом, любовь и страх, с точки зрения русского языкового сознания, чувства несовместимые, любовь побеждает страх.

В паремиях шведского языка противопоставление любви и страха не вербализовано.

Фактором внешнего воздействия, принуждения может служить ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА. В паремиях русского языка прослеживается идея о том, что заключение брака не вызывает чувства любви: *Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет; Крестом любви не свяжешь.*

В шведском языке отсутствуют паремии, говорящие о том, что брак может служить формой внешнего воздействия, принуждения к любви. Паремия шведского языка не противопоставляет любовь и брак, но подчеркивает тот факт, что в браке проявляется то, на что влюбленные первоначально закрывают глаза: *Kärleken är blind, äktenskapet är skarpsynt* (Любовь слепа, но у брака очень острое зрение).

Таким образом, при совпадении основной установки об иррациональности любви ряд частных реализаций этой идеи различается в обоих сравниваемых языках.

Перейдем к рассмотрению проанализированных паремий в заявленных аспектах: лингводидактическом и лексикографическом.

В обучении русскому языку как иностранному особое место занимают упражнения. Как отмечает Е. И. Пассов, упражнения являются подлинными средствами обучения [9]. В данной работе под упражнением мы будем понимать специально организованное одно или многократное выполнение отдельных или последовательного ряда действий или какой-либо деятельности в целях овладения ими или совершенствования их в учебных условиях [12].

В методической литературе на сегодняшний день остается актуальным вопрос о классификации упражнений. Существует большое количество взглядов на типологию упражнений. В своем исследовании мы разделяем точку зрения И. П. Слесаревой [11]. По ее мнению, любую систему упражнений следует рассматривать и оценивать с двух точек зрения: лингвистической и методической. С методической точки зрения автор выделяет три основных типа упражнений:

1. Языковые, направленные на осмысление языкового материала. К языковым упражнениям относятся упражнения на наблюдение, анализ, проблемные упражнения разного характера. В предлагаемом нами комплексе упражнений к языковым принадлежат упражнения, направленные на осмысление значений паремий: «Прочитайте текст, объясните значение выделенных единиц», «Соедините стрелками русскую пословицу и ее значение», «Объясните значение пословиц». Также к языковым упражнениям относятся упражнения сопоставительного характера. Формулировка заданий таких упражнений может быть следующей: «Соедините стрелками русскую паремию с ее шведским аналогом», «Для данных единиц подберите аналог в шведском языке». Сюда же можно отнести и упражнения на усвоение вариативности русских единиц. Текст заданий может быть таков: «Подберите

варианты пословиц, используя материал для справок», «Приведите близкие по значению единицы к данным».

2. Предречевые, закладывающие навыки употребления языкового материала в речи. Цель предречевых упражнений – формирование отдельных навыков словоупотребления. Их выполнение обеспечивает овладение определенными действиями на уровне сознательного контроля. К этому типу упражнений относятся упражнения на дописывание (дополнение) предложений, перефразирование, вопросно-ответные задания и т.п. К предречевым, применительно к нашему материалу, можно отнести упражнения, формулировка заданий которых звучит следующим образом: «Приведите ситуации, в которых можно было бы употребить следующие пословицы», «Используя справочный материал, вставьте вместо точек подходящую по смыслу пословицу или поговорку», «Заполните реплики в диалогах, употребив подходящую по ситуации пословицу».

3. Речевые, закрепляющие и развивающие собственно речевые навыки и умения. Формулировка заданий речевых упражнений может быть следующей: «Составьте рассказ по картинке, используйте подходящие пословицы».

Вслед за Е. И. Пассовым, под комплексом упражнений понимается совокупность упражнений, направленных на автоматизацию более или менее частных действий, либо на выполнение более или менее частных задач процесса усвоения материала [10]. Предлагаемый нами комплекс упражнений направлен на совершенствование речевых навыков обучающихся.

Поскольку одним из принципов построения комплекса упражнений является принцип "от простого к сложному", мы предлагаем использовать следующую последовательность упражнений:

1. Упражнения на наблюдение русских паремий в тексте;
2. Упражнения на выявление сходства и различий в русском и шведском языках;
3. Упражнения на усвоение значения русских паремий;
4. Упражнения на вариативность русских паремий;
5. Упражнения на ситуативную отнесенность русских паремий;
6. Упражнения на употребление русских паремий в речи.

Характер упражнений соответствует специфике уроков по говорению. Упражнения могут выполняться как в аудитории, так и в домашних условиях. Для обеспечения безошибочности действий учащихся в большинстве упражнений имеется материал для справок.

Что касается лексикографического аспекта описания интересующих нас единиц, то учебный словарь паремий лингвокультурологического типа должен выполнять фиксирующую, ориентирующую и учебную функции. Фиксирующая функция заключается в том, что в словаре зафиксированы представления и образы, которые для носителей данного языка являются нормальными и обычными. Ориентирующая функция состоит в том, что, описывая какие-либо представления как образцовые, эталонные, словарь задает ориентиры для правильного поведения в данном социуме. Учебная функция позволяет использовать словарь как одно из средств обучения.

Для адресата – не носителя языка лингвистический комментарий должен дополнительно включать сведения о лексическом значении отдельных слов (в первую очередь, устаревших и малоупотребительных), лингвострановедческий комментарий отдельных слов-реалий, входящих в состав паремий, грамматическую характеристику отдельных слов, стилистические пометы. Очень важным представляется показ системных парадигматических связей заголовочных единиц словарных статей, прежде всего, это касается синонимичных паремий. Кроме того, словарная статья учебного словаря, по возможности, должна содержать лингвокультурологический комментарий, указание на то, какая «установка культуры» вербализована описываемой единицей. Проблема паремиологического минимума важна при определении состава единиц, которые войдут в учебный словарь. Из состава описываемых в учебном словаре единиц, с одной стороны, следует исключить неупотребительные в настоящее время паремии. С другой стороны, иностранный читатель – адресат словаря может встретить эти единицы в русской классической литературе.

Таким образом, словарная статья учебного лингвокультурологического словаря русских паремий, предназначенного для инофона, должна учитывать результаты предварительно проведенного по определенным параметрам лингвокультурологического анализа. В статье обязательно должны содержаться информация о значении, ситуации употребления паремии, вербализуемой установке культуры и других русских единицах, ее репрезентирующих, а также культурологический комментарий [7].

Предлагаемая нами модель словарной статьи выглядит следующим образом.

Тематическим рубрикаторм словаря служит установка культуры, например: **ОБЪЕКТ ЛЮБВИ МОЖЕТ БЫТЬ ЛЮБЫМ** (набирается прописными буквами полужирным прямым шрифтом). Под тематическим рубрикаторм списком приводятся паремии, вербализующие эту установку (все единицы набираются светлым курсивом), например, для указанной тематической рубрики: *Любовь зла – полюбишь и козла. Кому что нравится, – кому попадья, а кому попова дочка. Покажется сатана лучше ясного сокола. Полюбится сова лучше ясного сокола. Мне гусь не брат, свинья не сестра, а мне мила своя пестрая перепелочка. Не славится красавица, а кому что нравится. Всякому свое мило. Деревеница Ермил, да посадским бабам мил. Не та мила, что хороша, а та хороша, что к сердцу пришла. Каждому своя мила – самая красивая. Кто кого любит, тот того и голубит. Хоть и ряба, да любя. Кто кому миленек, и неумыт бѣленек. Любовь слепа. Любовь слепа, доведет до беды и попа. Любовь ни зги не видит.*

Затем следует описание отдельных паремий, т.е. собственно словарные статьи, включающие несколько зон.

Первая зона содержит саму паремию – заголовочную единицу. Она набирается прописными буквами полужирным курсивом. При заголовочной единице, в случае необходимости, ставится функционально-стилистическая помета (разг., прост., шутол. и т.п.). Например: **ЛЮБОВЬ ЗЛА – ПОЛЮБИШЬ**

И КОЗЛА – *прост., шутл.* Пометы набираются светлым курсивом строчными буквами.

Вторая зона представляет собой описательное толкование смысла поговорки (набирается прямым шрифтом без выделения). Например, для поговорки **ЛЮБОВЬ ЗЛА – ПОЛЮБИШЬ И КОЗЛА** толкование будет следующим: Нельзя объяснить, почему возникает чувство любви к людям, которые кажутся совсем не достойными ее. В данной зоне словарной статьи может быть выделена подзона, в которой приводятся реализуемые в речевой деятельности интенции, например, для рассматриваемой поговорки: может употребляться в качестве совета – не загадывай, кого полюбишь, или как критическая оценка, или как ироничное оправдание самого себя.

Третья зона – это зона культурологического комментария. Например, для паремии **ЛЮБОВЬ ЗЛА – ПОЛЮБИШЬ И КОЗЛА** культурологический комментарий может выглядеть следующим образом: в этом выражении прослеживается представление, свойственное русской наивной языковой картине мира, воспринимаемое носителями языка как нечто само собой разумеющееся: козел – наименее достойное любви живое существо.

Четвертая зона является факультативной, она содержит лингвострановедческий комментарий отдельных слов паремии. Например, для поговорки **ЛЮБОВЬ СЛЕПА, ДОВЕДЕТ ДО БЕДЫ И ПОПА** – *Поп (сущ.) – священник.* В паремии **ДЕРЕВЕНЩИНА ЕРМИЛ, ДА ПОСАДСКИМ БАБАМ МИЛ** лингвострановедческого комментария потребуют практически все слова: имя собственное *Ермил, деревенщина, посад, баба.*

Пятая зона – зона иллюстраций, здесь приводятся примеры употребления паремий в современной литературе. Она также факультативна, т.к. не для каждой паремии найдутся контексты употребления в современных произведениях. В случае употребления паремии в редуцированном или трансформированном виде это также отмечается в данной зоне словарной статьи в особой подзоне. В иллюстративных контекстах паремии выделяются курсивом. Например, для паремии **ЛЮБОВЬ ЗЛА – ПОЛЮБИШЬ И КОЗЛА**: «Она уже знала: такие женщины, как ее мама, любят ни за что. Просто любят, и все. Во множестве книг, которые Женя прочитала к пятнадцати годам, эта нерассуждающая, самоотверженная любовь была овеяна романтическим флером. В поговорке, которую она много раньше услышала от няни Катерины Петровны, та же мысль — о слепоте любви — была выражена проще: «*Любовь зла, полюбишь и козла*» (Анна Берсенева. *Возраст третьей любви* (2005)). В шестой зоне приводятся современные "антипоговорки" (набираются с прописной буквы строчными, жирным курсивом), снабженные комментарием, объясняющим игру слов, прецедентность, понятную носителям языка, например, ***Любовь зла, а за козла ответишь. Козел – бранное слово из современного жаргона, употребляется применительно к мужчине.***

Седьмая зона включает шведские аналоги русских единиц (при их наличии), поэтому данная зона статьи присутствует не всегда. Например, для русской поговорки **ЛЮБОВЬ СЛЕПА**. Ср.: *Kärleken är blind.*

Последняя зона словарной статьи – отсылочная, в ней фиксируются пересечения с другими установками культуры. Отсылка дается на соответствующий тематический рубрикатор.

Таким образом, на наш взгляд, разработка комплекса упражнений и создание словарных статей учебного словаря русских пословиц для носителей шведского языка будет способствовать оптимизации учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшин А.С. Пословицы, вербализующие концепт «любовь» в шведском, немецком, английском и русском языках (лингвокультурологический аспект) / Паремология в дискурсе / Ред. О.В. Ломакина. М.: URSS, 2014.
2. Аникин В.П., Кирдан Ф.М., Селиванов Б. П. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988.
3. Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / Главн. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
4. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000.
7. Зиновьева Е.И. Теоретические проблемы лингвокультурологического и лингвокультурологического описания пословиц. / Динамика языковых и культурных процессов в современной России. СПб.: РОПРЯЛ, 2014.
8. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2006.
9. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989.
10. Пассов Е.И. Учебное пособие по методике обучения иностранным языкам. Воронеж: ВГПИ, 1975.
11. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М.: Русский язык, 1990.
12. Шатилов С.Ф. Актуальные проблемы обучения русскому языку иностранных учащихся. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
13. Ordspråk och talesätt med förklaringar av Pelle Holm. Stockholm, Albert Bonniers förlag, 1971.
14. Sköldberg E. Ordspråk – mossbelupna moralkakor eller energibesparande visdomsord? Språkvård. Stockholm, Svenska språknämnden, 14 – 19. 1999.
15. Sköldberg E. Varianter av idiom. Svenskans beskrivning 23 Förhandlingar vid Tjugotredje sammankomsten för svenskans beskrivning Göteborg den 15-16 maj 1998. Lund, Lund University Press, 1999. S. 384 - 391.
16. Ström F. Svenska ordstäv. Stockholm, Albert Bonniers förlag 1929.
17. Svensén B. Handbok i lexikografi. Stockholm, Norstedts Akademiska förlag, 1997.

**RUSSIAN PROVERBS AND THEIR REPRESENTATION IN A FOREIGN
AUDIENCE (LINGUODIDACTIC AND METHODIC ASPECTS)**

E. I. Zinovieva, A.S. Alyoshin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

*The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint
Petersburg*

This article deals with concerning Russian proverbs in linguodidactic aspect and their representation for Swedish audience, and as well in terms of lexicographic representation of Russian proverbs in a dictionary for the speakers of Swedish language. The aims of the article were to compare Russian proverbs with their Swedish equivalent and work out special exercises which can help Swedish-speaking students in learning Russian proverbs, and to work out a structure and a content of a vocabulary entry of the Russian proverb vocabulary for Swedish speakers.

Keywords: proverbs, linguodidactic, methods, Russian and Swedish languages.